

ИЗБРАНИЕ МИХАИЛА ФЕДОРОВИЧА РОМАНОВА НА ЦАРСТВО КАК ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

С. Г. Дмитрина

Статья посвящена проблеме освещения, в отечественной дореволюционной историографии, процесса избрания Михаила Федоровича Романова на царство. Автор анализирует различные концептуальные подходы к данной проблеме, определяет их идейную взаимосвязь. В статье выявлена трансформация взглядов историков в контексте социально-политических процессов конца XVIII до начала XX века. Автор делает вывод, что классическая историография проблемы отличается описательностью, приверженностью к устоявшимся в науке подходам и схемам. Данные подходы были обусловлены естественной исторической традицией в историографии, опиравшейся на государственный традиционализм той эпохи. Автор доказывает, что для инновационных, современных историографических подходов нужно разграничивать контекст исследователя и контекст исследования, что позволит выйти на новый уровень теоретико-методологического осмысления истории изучения вопроса.

Ключевые слова: историография, Михаил Федорович Романов, избрание на царство, традиционное общество.

Современное российское общество стоит на перепутье, определяя направление социокультурного выбора развития между культурой традиционной и культурой современной. «Российское общество и культура всегда были традиционными... Все модернизационные процессы в российской истории, изменяя институты и технологии, не меняли, по сути, традиционной системы ценностей и смыслов. В данной особенности заключается сила российской государственности, общества, культуры». [3; с. 130]. По нашему убеждению, свой выбор в данной социокультурной ситуации неизбежно должны сделать историки, в том числе и через обновление приоритетных исследовательских тем и методологий. Мы солидарны с позицией П. Б. Уварова, утверждающего, что историк должен быть социокультурным экспертом, предлагающим обществу вполне определённые модели познания исторической реальности и адекватные прогнозы перспектив развития. Ориентируясь на традиционалистскую аксиологическую парадигму и опираясь на дедуктивно-историческую методологию, разработанную П. Б. Уваровым, мы обратились к истории изучения проблемы избрания Михаила Федоровича Романова на царство [16, с. 45].

Изучив необходимый массив инфо-материалов мы пришли к заключению, что данная проблема не получила должного отражения в отечественной историографии. Возможно, это связано не столько с состоянием источниковой базы, сколько с особенностью исследовательского подхода, делающего историографические исследования в этом направлении весьма непростыми. В настоящей статье мы сосредоточим внимание на анализе отечественной дореволюционной историографии. В первую очередь, нас будут интересовать результаты исследования отечественной историографией следующего круга вопросов: причины избрания Михаила Федоровича на царство; отношение к личности юного монарха; квалификация избрания Михаила Федоровича.

В соответствии с поставленными задачами мы рассмотрели труды историков, изучавших данную

проблему с конца XVIII до начала XX веков. Мы попытались не только учесть хронологические рамки данных исследований, но и тот историко-культурный контекст, в рамках которого эти историки работали. При обращении к данной теме мы разделили единый период классической историографии на две условные части: водоразделом, для которых являлось начало последовательной либерализации российского общества второй половины XIX века. На наш взгляд, эти два периода заметно отличаются по историко-культурному контексту, формату общественного сознания и историографическому мировоззрению.

Впервые этой темой заинтересовался В. И. Татищев. Правда, в первую очередь, он делал акцент на фактической стороне вопроса, а не на раскрытии логики процесса. В. Н. Татищев обратил внимание на желание церкви видеть на Русском престоле именно молодого Михаила Фёдоровича. Историк чётко указывал, что опорой молодого царя был народ [15, с. 152]. При этом, занимаясь этим вопросом, он не раскрывает ни причин, ни следствий данного события, а лишь описывает их событийную последовательность.

В свою очередь Н. М. Карамзин попытался рассмотреть интересующей нас вопрос с точки зрения, текущей политической конъюнктуры. По мнению историка, одной из главных причин избрания Михаила Романова, является то, что он не участвовал в кровавых расправах [5, с. 30]. Так же Н. М. Карамзин считал, что успех правления Михаила обеспечил его отец Филарет, который стал царю наставником, с помощью которого он и пришел к власти [5, с. 30]. Историк представлял Михаила Федоровича как тихого и боязливого отрока, который управлял государством с помощью отца Филарета, что надолго закрепилось в исследовательской литературе.

Д. П. Бутурлин стал автором первого специального исследования по Смутному времени, полно и последовательно изложил весь ход событий Смутного времени, но избрание Михаила все же не было рассмотрено, так как его исследование не было

доведено до 1613 года. Тем не менее, он смог показать, что род Романовых еще при Борисе Годунове был готов к борьбе за власть [2, с. 34].

В определенном смысле позицию Д. П. Бутурлина поддерживает К. Н. Бестужев-Рюмин, опираясь на слухи, будто «царь Федор Иванович, умирая, отдал свой скипетр Романову, у которого Годунов вырвал из рук» [1, с. 295]. Более того историк в значительной степени видит зависимость избрания Михаила Федоровича Романова от религиозных по своему характеру народных настроений [1, с. 270]. Подводя итог всем событиям, он отмечает, что с избранием Михаила Федоровича Романова, устанавливается тесная связь между ним и народом, которая способствовала «умиротворению страны» [1, с. 295].

Впрямую коснулся данной темы и С. М. Соловьев. Вслед за своими предшественниками он выделяет те же причины избрания М. Ф. Романова, но впервые, указывает на суть царской власти, то есть на ее системообразующую роль в жизни общества, ссылаясь на грамоту: «Но без государя Московскому государству стоять нельзя печься об нем и людьми божьими промышлять не кому, без государя всталась Московское государство разоряют все: без государя государство ничем не строится и воровскими заводами на многие части разделяется и воровство множится» [13, с. 321]. В целом, С. М. Соловьев основное внимание так же уделил фактографии, а не вопросам аналитического характера.

В период до отмены крепостного права, можно выделить изыскания церковного историка митрополита Макария. Он не обошел, интересующего нас события, поскольку оно является важным и для истории церкви. На наш взгляд, безусловной немаловажной причиной положительного отношения к молодому царю, является то, что его отец носил духовный сан митрополита. На тот момент это являлось очень важным аспектом, так как в ситуации смены правителей и притязаний иноземцев на престол, создалась явная конфессиональная угроза православной вере.

Сторонник прагматической историографии Н. Г. Устрялов посвятил теме избрания Михаила Федоровича Романова на царство целую главу. Причину избрания юного царя он видел во влиянии благословения Гермогена: «К счастью, Ермоген и по смерти хранил Россию. Все знали, кого желал благословить на царство великий мученик за веру и отечество; мысль его озарила все умы ярким светом: земский совет, внимал замогильному голосу его, как гласу неба, решил признать государем того, кто уже самым рождением был исключен из круга подданных, и 21 февраля 1613 года единодушный выбор пал на Михаила Романова, благоцветущую отрасль благородного корня» [17, с. 307].

Н. Г. Устрялов в своем исследовании более отчетливо отразил представление о решающем характере народной поддержки: «Не крамола, не преступные замыслы немногих лиц или сословий, находившихся воспользоваться слабостью юного венценосца, чтобы увеличить права свои, возвели Михаила на царство: он признан общим, единодушным голосом всего народа, который наконец десятилетними страданиями убедился, что престол

есть святыня, доступная только тому, кого избрало Провидение, что никакие таланты, никакие заслуги не спасут державу от неурядиц, если верховная власть будет вручена лицу не царской крови» [17, с. 309]. Эту мысль необходимо подчеркнуть, так как в ней историк очень точно отразил особенность средневекового московского общества, что является, на наш взгляд, ключом к пониманию всех событий того времени.

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что представители первого периода дореволюционной русской классической историографии не слишком подробно и критично рассматривали тему избрания Михаила Федоровича Романова на царство. Осветив частично причины избрания, они все сошлись во мнении, что самым главным значением было окончание Смуты и крамолы в государстве, при этом личность царя затрагивалась весьма в незначительной степени.

Историография второй половины XIX века шире раскрывает данный вопрос, в первую очередь из-за расширения пределов гласности в российском обществе во второй половине XIX века. Хотя вслед за своими предшественниками выделяет те же причины избрания, пытается их переосмыслить и дополнить новыми.

Известный историк и автор классических учебников Д. И. Иловайский попытался дать свои ответы на спорные вопросы. Историк пришел к выводу, что Михаил Федорович имел значительные преимущества перед всеми за счет совокупности причин: был молод, и прежде всего не был замешан в кровавых расправах Смутного времени, принадлежал к знатному роду и являлся ближайшим родственником царя Федора. Кроме того, он особо выделил то, что и среди высшей знати у него было много родственников: Шереметьевы, Салтыковы, Черкасские и другие, которые поддерживали его кандидатуру.

Историк Н. И. Костомаров, прежде всего, указывает на упадок московского государства, которому требовался царь для восстановления порядка [7, с. 2]. Автор очень ярко описывает положение государства как «бедственное». Но наряду с этим, у Н. И. Костомарова появляются мотивы нехарактерные для предыдущего дореволюционного периода отечественной классической историографии. Прежде всего, появление более вольного тона в отношении пусть средневекового, но российского монарха и основателя современной ему династии: «сам Михаил был от природы доброго, но кажется меланхоличного нрава, не одарён блестящими способностями, но не лишён ума, зато не получил никакого воспитания и, как говорят, вступивши на престол, едва умел читать» [7, с. 3]. Наверное, неслучайно новая интонация пробивает дорогу и для серьезной критики нового правления, которое «не могло остановить лихоимства, неправосудия и всякого рода насилий» [7, с. 4].

Данная тенденция получает свое развитие у В. О. Ключевского. В первую очередь это касалось его утверждения объясняющее успех избрания Михаила Федоровича «рядом вспомогательных средств: предвыборной агитацией» [6, с. 309]. В этом случае обращает на себя внимание явный

анахронизм, так как о предвыборной агитации в полном смысле этого слова для XVII века говорить не приходится. Но В. О. Ключевский, совершенно очевидно, игнорирует специфику, рассматриваемой эпохи преувеличивая ее сходство с современностью, и не смотря на свою репутацию, он весьма ярко начинает демонстрировать пренебрежение принципом историзма. Не приходится удивляться, что он эксплуатирует тему неоднозначности личности Михаила Романова и олигархический, а не народный характер его избрания [6, с. 312].

Из вышеизложенного, мы видим, что в этот период сознание историков все больше модернизируется, и намечается новая тенденция дальнейшего изучения данной темы. Необходимо отметить, что в России второй половины XIX века происходит либерализация сознания, смягчается цензура, ученые отходят от мировоззренческих канонов прошлых веков, что в свою очередь с одной стороны расширяет тематику их трудов, а с другой — дистанцирует от логики и культурно-психологических особенностей прошедшей эпохи.

Во многом по стопам В. О. Ключевского идет А. И. Маркевич, предполагая, что Михаилу помогли взойти на престол те бояре, которые хотели фактически управлять государством. Также он ставит вопрос об активном участии казаков в избрании первого Романова, утверждая, что Михаил был избран одними «донцами», не учитывая того, что многие документы той эпохи не подтверждают этого факта.

Большое значение теме избрания Михаила Федоровича Романова уделил и С. Ф. Платонов. Его труды можно считать фундаментальными в изучении данной проблемы, так как в своих основных работах «Очерки по истории Смуты», «Полный курс лекций по русской истории» и «Смутное время» он затронул многие интересующие нас аспекты. С. Ф. Платонов, как и его предшественники, выделяют объективность необходимости завершения Смуты [10, с. 424]. Тем самым, ставя под сомнение тезис, который проходит красной нитью у В. О. Ключевского, о том, что Михаил Романов был выбран исключительно по причине удобства и выгоды бояр, так как «он молод и поваден». Но с другой стороны, он указывает на давний характер политических амбиций Романовых в борьбе за власть и даже на их тесную связь с самозванческой интригой, в частности, с Григорием Отрепьевым, а также на то, что Филарет служил «вору» и опирался на поддержку весьма неоднозначных по характеру вооруженных формирований, которые в данный период обтекаемо назывались казачеством [12, с. 465].

Закономерно, что С. Ф. Платонов в своих изысканиях не обделил своим вниманием молодого царя. Историк пишет, что фигура Михаила Фёдоровича была не раскрыта, поскольку «неясны ни сама личность молодого государя, ни влияния, под которой жила и действовала эта личность, не те силы, какими направлялась в то время политическая жизнь страны» [11, с. 212]. Автор указывает на физическую слабость нового царя, его чрезвычайную молодость, хотя и не упоминает о его слабости умственной. Тем не менее, С. Ф. Платонов отмечает и положительное значение избрания Михаила Фёдоровича Романова,

говоря что «началась энергичная и умелой рукой исправленная работа над водворением порядка в стране», поскольку Смута закончилась, и произошло примирение двух сторон — казачества и прочих классов русского населения [11].

С. Ф. Платонов, с одной стороны, явился первым историком, фундаментально исследовавшим проблему Смутного времени. Он был одним из первых, кто попытался связать события Смуты и избрания нового царя, показал, как действовали сторонники Романовых в эти годы, объясняя неслучайность выбора молодого Михаила Фёдоровича на царство. А с другой стороны, он еще более усилил тенденцию к модернизации представлений о социально-политических процессах Московской Руси начала XVII век, доведя ее до черты, за которой начинается про странство анахронизма.

Подводя итог вышесказанному, мы можем отметить, что классическая историография не лишена определенных недостатков: во-первых, она склонна к наивному нарративизму, поскольку имеет недостаточно разработанную теоретико-методологическую базу. Этому способствовало то, что XVIII — в первой половине XIX веках ведущая роль в объяснении тех или иных событий прошлого, принадлежала естественной исторической традиции, принявшей окончательную форму в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина и совпавшей с новым государственным традиционализмом, увенчанным классической триадой «Православие. Самодержавие. Народность». Сам по себе наивный нарративизм, предполагал отсутствие теоретико-методологических сомнений при обращении к событиям прошлого, которые по своему логично представлялись классически эталонными, относительно данной идеологии.

Процессы реформации и либерализации Российского общества самой логикой, заключенной в них, провоцировали рост критических отношений к традиционным интерпретациям реальности (неважно настоящего или прошлого). Историческое прошлое не избежало воздействия этих настроений, при этом пересмотр традиционного, привычного, также обошелся без серьезного теоретико-методологического обновления. События русского средневековья, произошедшие в рамках традиционного общества Московской Руси, подверглись социально-политическому анализу, принадлежность которого к реалиям современного для историков второй половины XIX общества было ими не отрефлексирована и, сверх того, вело их по пути анахронизма с неизбежным ущербом для принципа историзма. Историки не всегда видят разницу между контекстом исследователя и контекстом исследования, не понимая, что изучают реальность, отличную от той в которой живут и работают. Если историки XVIII — первой половины XIX веков слишком доверяли сложившейся практике изложения событий Смуты, то во второй половине XIX — первой четверти XX веков без серьезных теоретико-методологических обновлений увлеклись критикой принятого изложения событий, не имея на это серьезных оснований, кроме мировоззрения человека середины XIX века, эпохи либерализации. На наш

взгляд, без нового теоретико-методологического осмысления, разобраться с реалиями Московской Руси XVI—XVII веков в соответствии с принципами историзма и соизмеримости контекстов исследователя и исследования, практически невозможно.

Литература и источники

1. Бестужев-Рюмин, К. Н. *Обзор событий от смерти царя Иоана Васильевича до избрания на престол Михаила Федоровича Романова* / К. Н. Бестужев-Рюмин // *Журнал Министерства Народного просвещения*. — 1887. — № 252. — С. 245—295.
2. Бутурлин, Д. П. *История Смутного времени в России в начале XVII века : в 3 ч. / Д. П. Бутурлин*. — Ч. 1. — СПб. : Типография Александра Смирдина, 1839. — 128 с.
3. Загребин, С. С. *Культурная политика как индикатор поиска стратегии общественного развития в современной России* / С. С. Загребин // *Социум и власть*. — 2015. — № 5. — С. 126—131.
4. Иловайский, Д. И. *История России : в 5 т. / Д. И. Иловайский*. — Т. 4. — М., 1899. — 345 с.
5. Карамзин, Н. М. *Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях* / Н. М. Карамзин. — М. : Директмедиа Паблишинг, 2005. — 125 с.
6. Ключевский, В. О. *Избранные лекции «Курс русской истории»* / В. О. Ключевский. — Ростов н/Д : Феникс, 2002. — 672 с.

7. Костомаров, Н. И. *Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей : в 12 т. / Н. И. Костомаров*. — Т. 2. — М. : Книга, 1991. — 536 с.
8. Маркевич, А. И. *Избрание на царство М. Ф. Романова* / А. И. Маркевич // *Журнал Министерства Народного просвещения*. — 1891. — Т. 9—10. — С. 177—180.
9. Митрополит Макарий. *История русской церкви : в 9 т.* — Т. 4—5. — СПб., 1888.
10. Платонов, С. Ф. *Очерки по истории Смуты в московском государстве XVI—XVII вв. / С. Ф. Платонов*. — СПб. : Типография И. Н. Скороходова, 1901. — 520 с.
11. Платонов, С. Ф. *Полный курс лекций по русской истории* / С. Ф. Платонов. — Ростов н/Д : Феникс, 2000. — 576 с.
12. Платонов, С. Ф. *Смутное время* / С. Ф. Платонов. — СПб. : Лань, 2001. — 480 с.
13. Соловьев, С. М. *Об истории Древней России* / С. М. Соловьев. — М. : Просвещение, 1992. — 544 с.
14. Соловьев, С. М. *Обзор царствования Михаила Федоровича* / С. М. Соловьев. — СПб., 1859. — 534 с.
15. Татищев, В. Н. *История Российская : в 8 т. / В. Н. Татищев*. — Т. 7. — Л. : Наука, 1968. — 555 с.
16. Уваров, П. Б. *Теоретико-методологическое обновление исторической науки: необходимое и перезревшее (на примере антропологии интеллигенции)* / П. Б. Уваров // *Традиционные общества: неизвестное прошлое*. — Челябинск: Цицеро, 2013. — 280 с.
17. Устрялов, Н. Г. *Русская история до 1855 года* / Н. Г. Устрялов. — Петрозаводск : Фолиум, 1997. — 958 с.

Поступила в редакцию 03 января 2016 г.

ДМИТРИНА Светлана Геннадьевна, аспирантка кафедры отечественной истории и права, Челябинский государственный педагогический университет. Сфера научных интересов: история и историография царствования Михаила Федоровича Романова, история России периода феодализма. E-mail: svetlana.dmitrina@mail.ru.

**Bulletin of the South Ural State University
Series «Social Sciences and the Humanities»
2016, vol. 16, no. 2, pp. 19—23**

DOI: 10.14529/ssh160203

MICHAEL ROMANOV'S ELECTION ON THE KINGDOM AS THE HISTORIOGRAPHIC PROBLEM

*S. G. Dmitrina, Chelyabinsk State Pedagogical University, Chelyabinsk,
Russian Federation, svetlana.dmitrina@mail.ru*

Article is devoted an illumination problem, in a domestic pre-revolutionary historiography, process of election of Michael Fedorovicha Romanov on a kingdom. The author analyzes various conceptual approaches to the given problem, defines their ideological interrelation. In article transformation of sights of historians in a context of sociopolitical processes of the end XVIII prior to the beginning of the XX-th century is revealed. The author does a conclusion, that the classical historiography of a problem describes a problem, adherence to the approaches which have settled in a science and schemes. The given approaches have been caused by natural historical tradition in a historiography leaning on state Tradition that epoch. The author proves, that for innovative, modern historiographic approaches it is necessary to differentiate a context of the researcher and a research context that will allow to leave on new level of theoretical judgement of history of studying of a question.

Keywords: a historiography, Michael Fedorovich Romanov, election on a kingdom, a traditional society.

References

1. Bestuzhev-Rjumin K.N. *Obzor sobytij ot smerti carja Ioana Vasil'evicha do izbranija na prestol Mihaila Fedorovicha Romanova* [Review of events from death of tsar Ioana of Vasilyevich before election on Michael Fedorovicha Romanov's throne]. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo prosveshhenija* [Magazine of the Ministry of National education] — 1887 — № 252. — pp. 245 — 295.

2. Buturlin D.P. Istorija Smutnogo vremeni v Rossii v nachale XVII veka: v 3 ch. [History of Vague time in Russia in beginning XVII] — Ch.1— SPb.: Tipografija Aleksandra Smirdina, 1839 — 128 p.
3. Zagrebin S.S. Kul'turnaja politika kak indikator poiska strategii obshhestvennogo razvitiya v sovremennoj Rossii [The cultural of the politician as the indicator of search of strategy of social development in modern Russia] // *Socium i vlast* [Society and the power] — 2015. — № 5. — pp. 126-131.
4. Пловянский Д.И. История России: в 5 т. [The history of Russia: in 5 v] — V. 4. — М.:1899. — 345 p.
5. Karamzin N.M. Zapiska o drevnej i novej Rossii v ee politicheskom i grazhdanskom otnoshenijah [The note about ancient and new Russia in its political and civil relations] — М.: Direktmedia Publishing, 2005. — 125 p.
6. Ключевский В.О. Избранные лекции «Курс русской истории» [Century of the Island the Selected lectures «Course of Russian history»]. — Rostov.n.D.: Feniks, 2002. — 672 p.
7. Kostomarov N.I. Russkaja istorija v zhizneopisanijah ee glavnejshih dejatelej: v 12 t. [Russian history in biographies of its pivotal figures: in 12 v.] — V. 2. — М: the Book, 1991. — 536 p.
8. Markevich A.I. Izbranie na carstvo M. F. Romanova [Election on M.F. Romanov's kingdom /A.I. Markevich]. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo prosveshhenija* [Magazine of the Ministry of National education] — 1891. — V. 9-10. — pp. 177-180.
9. Mitropolit Makarij. Istorija russkoj cerkvi. [History of Russian church]: v 9 t. — V. 4-5. - SPb.: 1888.
10. Platonov S.F. Ocherki po istorii Smuty v moskovskom gosudarstve XVI — XVII vv [Sketch on Distemper history in the Moscow state XVI — XVII]. — SPb.: I.N. Skorohodova's printing house, 1901. — 520 p.
11. Platonov S.F. Polnyj kurs lekcij po russkoj istorii [Complete course of lectures on Russian history]. — Rostov/n/D.: Feniks, 2000. — 576 p.
12. Platonov S.F. Smutnoe vremja [Vague time].— SPb.: Lan',2001. — 480 p.
13. Solov'ev S.M. Ob istorii Drevnej Rossii [About history of Ancient Russia] — М.: Prosveshhenie, 1992. — 544 p.
14. Solov'ev S.M. Obzor carstvovaniya Mihaila Fedorovicha [Michael Fedorovich's S.M.review's nightingales of reign]. — SPb., 1859. — 534 p.
15. Tatischev V.N. Istorija Rossijskaja: [History Russian] v 8 t. — V.7.- L.: Science, 1968. — 555 p.
16. Uvarov P.B. Teoretiko-metodologicheskoe obnovlenie istoricheskoi nauki: neobhodimoe i perezhivshee (na primere antropologii intelligencii) / P.B. Uvarov // Tradicionnye obshhestva: neizvestnoe proshloe. [Theoretical updating of a historical science: necessary and become overripe (on an example of anthropology of intelligency)]. — Cheljabinsk: Izd-vo ZAO «Cicero», 2013. — 280 p.
17. Ustrjalov N.G. Russkaja istorija do 1855 goda [Russian history till 1855]. — Petrozavodsk: Folium, 1997. — 958 p.

Received January 03, 2016